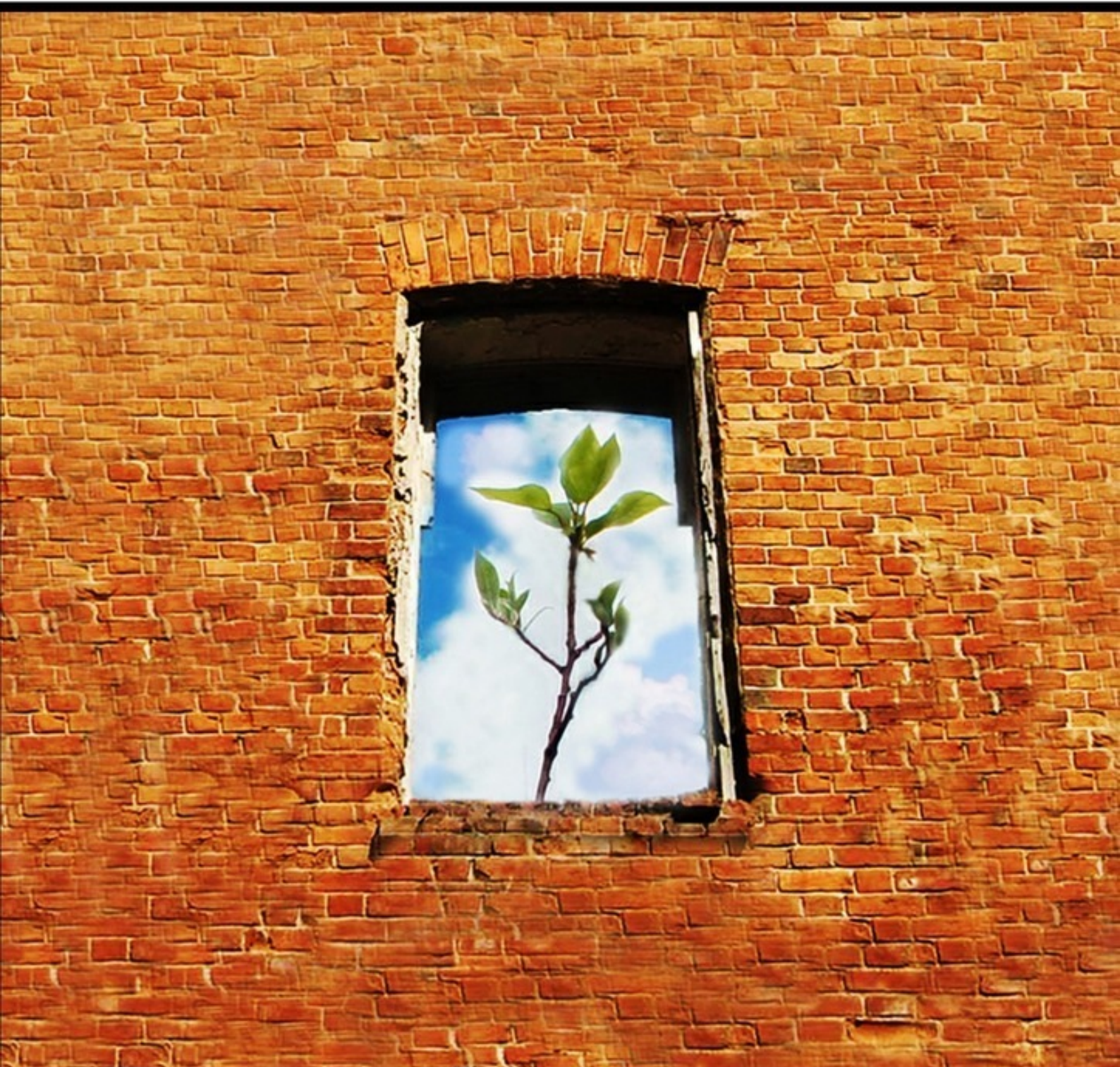

ЕВГЕНИЙ ШТИЛЬ

Дерево на твоём окне

Евгений Штиль

Дерево на твоём окне

«Издательские решения»

Штиль Е.

Дерево на твоём окне / Е. Штиль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901915-8

В сборник вошли семь произведений. Это повествования о жизни совершенно разных людей — одиноких и семьянинов, мечтателей и суровых прагматиков, оптимистов и представителей «социального дна». Жизнь, по мнению автора, — не глянцевого букета, а пестрое и загадочное разнотравье. Центральная тема всех произведений — человеческие отношения. Как мы находим друг друга, как необдуманно теряем. Мир зыбок, а природа хрупка, и если ещё при этом не любить друг друга, то можно однажды потерять всё...

ISBN 978-5-44-901915-8

© Штиль Е.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Дерево на твоём окне	7
Пассажир	8
Бомба	11
Колдобины	14
Конфликт местного значения	19
Финиш	23
Сталинские соколы	28
Реж	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дерево на твоём окне

Евгений Штиль

© Евгений Штиль, 2018

ISBN 978-5-4490-1915-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

«Для пущей важности черкните несколько слов от автора!» – напутствовал меня редактор. «Несколько слов...» – именно такой подзаголовок я поначалу и вывел. А после понял, что обманываю читателя. Какие там несколько! – сотни две, не меньше. И сразу вспомнилось, что сам я в более юные годы (да и сейчас – чего уж темнить) частенько пропускал и пропускаю текстовое пространство, именуемое обычно «Предисловием», «Вступлением» и искомым «Словом от автора». А потому, по возможности, буду краток:

Итак, о чем и о ком эта книга?

Не открою большого секрета, признавшись, что чаще всего писатели пишут о себе любимых. И это не эгоизм, это оправданная необходимость. Пишем о том, о чем знаем, и в этом смысле собственная жизнь, конечно, является наиболее удобным полигоном для литературных экспериментов. Вот и этот сборник обо мне и моих друзьях, моих добрых и не очень добрых знакомых. Впрочем, последних на последующих страницах будет встречаться крайне мало, что позволяет мне надеяться, что в целом сборник получился незлой. Для большинства произведений это в определенном смысле дебют, поскольку ранее они публиковались исключительно в журналах-толстяках. Парочка произведений получала призы читательских симпатий, главная повесть удостоивалась чести быть переведенной на несколько языков. Но вот в книжных корочках, да еще на родном языке, они не появлялись. Собственно, это меня и подвигло дать этим вещам вторую жизнь, поскольку рукописи, возможно, и не горят, но из этого не следует, что писателю следует лежать-полеживать бревном и ровно ничего не делать, дабы помочь однажды опубликованному продолжать свое непростое плавание по читательским морям, озерам и лагунам.

Признаюсь, поначалу мечталось составить веселый сборник, но как-то само вышло, что повести и рассказы, не спрашивая авторского соизволения, выстроились самостийной шеренгой – в порядке им одним ведомом и удобном. Ну, а поскольку над подобными иррациональными явлениями давно уже не смеюсь, то и здесь все осталось неизменным. Надеюсь, читая книгу, кто-то улыбнется, кто-то, наверняка, взгрустнет – и то, и другое вполне позволительно. В заключение же моим дражайшим читателям желаю доброго узнавания, задумчивых минут и славных озарений!

*Искренне Ваш,
Евгений Штиль*

Дерево на твоём окне

Моим родителям – первым критикам и читателям...

Пассажир

Вообще-то на этот курорт собиралась ехать Настя. Не столько, чтоб отдохнуть, сколько подлечиться. Она и меня уговаривала составить ей компанию. Даже не поленилась узнать, проходят ли наши «болячки» по профилю лечебного учреждения. Оказалось, что проходят, и Настя частенько мечтала:

– Только представь, Димчик! Мы будем лежать в соседних ваннах – ты в суставной, я в своей, сердечной. Оба безнадежно больные и влюбленные, оба голые и красивые!

– Ты сказала: голые?

– Ну... – она немного смутилась. – Это же лечение, что тут такого? Попросят – и разденемся.

– погоди, погоди! А как же медперсонал? Всякие там сестры, санитарки? Они же мимо будут шастать.

– Ну, и что?

– Как это что! Значит, смотреть на нас станут.

– Тебя это шокирует?

– Представь себе, да!

– Но ты же не стесняешься ходить в баню.

– Естественно! Потому что я хожу в мужское отделение.

– Ну, не знаю... Может, специально для тебя подыщут медбрата?

– Здравсьте! Еще не легче! Не хватало, чтобы на тебя, голую и красивую, пялился посторонний мужчина!..

Впрочем, спорили мы напрасно. Ни процедур, ни медбратьев моя подруга не дождалась. Настя умерла, не дожив трех недель до поездки. Путевка, курортная карта, билеты – все осталось невостребованным. В итоге в далекий санаторий вместо Насти поехал я. Для чего и зачем, не знаю, но, как говорится, от перемены мест слагаемых сумма не меняется, а за эти путевки мы успели выложить сумму более чем приличную. И за билеты, и за путевку, и за направление, которое в больнице выписывали либо долго, но даром, либо быстро, но дорого. Впрочем, дело было не в деньгах – о них сейчас не хотелось думать вовсе. Как не хотелось думать об оставленном Настей наследстве, о ее подругах, продолжавших по привычке трезвонить в наш дом, о собственном в один миг посеревшем будущем. Кто знает, возможно, от этих самых дум я и пытался сбежать. В место, куда ей так хотелось съездить – с шикарными грязевыми ванными, с девственным сосновым бором, с чарующей тишиной, о которой наперебой поминали курортные проспекты.

И я сбежал.

В сущности – в никуда...

В доме у нас висел боксерский мешок, но я успел разбить о жесткий дерматин все костяшки. Дальнейших попыток мои кулаки могли не выдержать, терапевтическое действие мешка иссякло. Хорошо было бы порыдать да повыть, но слезы тоже отсутствовали – подобно большинству мужчин, я предпочитал страдать всухую, выжигая себя изнутри, волевыми усилиями вминая опухшее сердце в грудную клетку. На пульс это почти не влияло, но было до одури больно. Настолько больно, что я упаковками глотал аспаркам с панангином и впервые в жизни с хирургической остротой осознал, насколько человек бессилён влиять на события. Миром продолжала править жестокая формула: «чем хуже – тем лучше!». Первую часть формулы чувствовали на себе все живущие на Земле, о существовании второй догадывались немногие избранные. К числу избранных я себя не причислял, а потому жесткую формулу предпочитал игнорировать. В самом деле, если даже войны, по мнению иных умников, ускоряли планетарный прогресс, куда дальше-то? Как говорится: музы глож-

нут, дети плачут, мудрецам икается. И ничего, в сущности, за последние полтора столетия не изменилось. Разве что перевели занятия интимом из ночного времени в дневное, да еще наловчились показывать означенный процесс на всех возможных экранах во всех возможных ракурсах. И почему нет? Людям нравилось – спрос услужливо утотляли. Потому что невозможно из грязи да в князи выскочить за пару жалких тысячелетий. Не было еще таких прецедентов. Для истинного княжения требовалось умереть не раз и не два. В этом направлении, верно, и двигалась громыхающая колонна вечнозеленых человечков – двигалась, нажимаемая одновременно на газ и на крохотные стоп-краны...

Поезд шепеляво свистнул, вагон дернулся. Я вздрогнул и открыл глаза – как раз вовремя, чтобы увидеть улыбку юноши, сидящего на привокзальном поребрике. Крупные очки придавали юноше интеллигентный вид, но от сочной нехорошей улыбки, которой провожал он наши вагоны, становилось неудобно. Он смотрел на поезд, как пятилетний хулиган на конфетный прилавок, как уличный кот на беспечного воробья. Встретив мой взгляд, улыбнулся еще шире. Движением пианиста поднял перед собой правую руку, показав вытянутый вверх средний палец. Нахмурившись, я перевел взор на уплывающее здание вокзала. Станция называлась «Реж», и, вернувшись глазами к улыбчивому юноше, я тотчас сообразил, что в названии пропущена одна буква. Разом стали понятны названия всех здешних станций, над которыми, безусловно, поработала длань шутливого редактора. Та же станция «Адуй», благодаря означенному шутнику, потеряла букву «н» в начале слова, станция «Реж» – мягкий знак в самом конце, а вот в названии «Незевай» убирать и вовсе ничего не стали. Просто слили предлог с глаголом – и все дела. От этих мыслей смотреть в окно совсем расхотелось, и медленно, словно управляя орудийной башней, я отвернул голову от окна.

Напротив меня сидела парочка. То ли молодожены, то ли просто студенты. Он без конца жал кнопки на телефоне, сбивая тарелочки марсиан, она занималась делом более увлекательным – рукой массировала джинсовые бедра приятеля, губами каждые полминуты оттягивала мочку его уха. Парень ежился, бурчал себе что-то под нос, но особенно не противился, и, глядя на истерзанное ухо, я вспомнил другое ухо – волосатое, словно покрытое темным мхом, мясистое, беспрестанно шевелящееся. Оно принадлежало лечащему врачу Насти, и, странное дело, сумело заслонить в памяти все прочие детали. Ни лица, ни глаз медика, ни даже его фигуры я не запомнил, а вот ухо запечатлелось в мозговых файлах до мельчайших нюансов. Все равно как снятое на цифровой фотоаппарат с разрешением в десяток-другой мегапикселей. А еще запомнились слова эскулапа. Вернее, речь, в большей степени напоминающая вердикт прокурора. Конечно, врач не обвинял, но он приговаривал, и это было еще хуже, поскольку ничего запретного моя подруга не совершила. Она всего лишь послушно выполняла рекомендации врачей – глотала, что скажут, ходила на указанные процедуры, покупала прописываемые лекарства и без конца соглашалась на изнурительные обследования. В итоге семь лет лечения не дали ничего определенного. Определенным оказался только приговор. С диагнозом наши эскулапы явно запоздали – в такое уж рэповое время нас угораздило родиться. Ни по хабитусу, ни по анализу крови врачи ничего уже достоверно не определяли. Зато исправно выписывали чеки и выступали в роли маркетологов, продавая таблетки жуткой силы и еще более жуткой стоимости. Кстати, именно маркетологи хорошо понимают, что в иных случаях людям нельзя говорить всей правды. Они и не говорят, помалкивают, отчего товар их только выигрывает. Однако эскулап с волосатым ухом рассказал Насте все, как есть. Озвучивая приговор, он не забыл помянуть и предполагаемую погрешность. Так и обозначил: два с половиной месяца плюс-минус неделя. Уж не знаю, откуда вынырнула эта «неделя», но врач, Волосатое Ухо, ошибся. Настя умерла не через два месяца, а через два дня. Не выдержало сердце, не выдержала нервная система. Она и до этого жила только надеждой, и кто знает, возможно, могла бы надеяться еще лет

пять, десять или все двадцать, но человек в белом рассудил иначе. Он произнес свою речь, и, восприняв его слова как команду, Настя послушно прервала затянувшуюся борьбу.

Уже через день после похорон я снова прибежал в больницу. Прибежал с одним-единственным желанием – что есть сил ударить в это самое ухо. Сначала кулаком, а потом, если повезет, и ногой. Увы, врача я так и не нашел. Непонятным образом жизнь стерла его из памяти, оставив одно только клятое ухо. Не было под рукой нужных бумаг – ни имени, ни фамилии эскулапа я решительно не помнил. Можете смеяться, но на протяжении нескольких часов я привидением мотался по больничным коридорам, внимательно разглядывая уши всех встречаемых медиков. Немудрено, что очень скоро меня взяли под локотки ребята в камуфляже, препроводив в здание иного профиля.

Сажать меня, разумеется, не стали. Люди в сером оказались более покладистыми и на прощанье даже сумели мне посочувствовать. О враче же Волосатое Ухо настоятельно посоветовали забыть. Для моего же собственного блага.

«Ведь посадим, дурила, – пригрозил сумрачный лейтенант, – и будут в твое ухо молотить уже другие обиженные. Вот и прикинь: оно тебе надо?»

«Оно» мне действительно было не надо. Главным образом потому, что я в очередной раз осознал себя крохотной и никчемной песчинкой. Волны накатывали неведомо откуда, вздымая моих собратьев к самой поверхности, вновь опуская на дно. Нас были тысячи, миллионы и миллиарды, но властным мановением свыше мы становились грязью и мутью, в беспорядке оседая непредсказуемой мозаикой. Оказываясь на далеком дне, вновь копошились, обустроивали свою муравьиную жизнь – и все только для того, чтобы позволить очередной волне вновь подбросить нас вверх, одним махом разрушив судьбы, лишив надежд и желаний...

Кажется, мы вновь отъезжали от какой-то станции – на этот раз мимо окон проплывал уютный одноэтажный домик из белого кирпича. Именно такие домики я в великом множестве лицезрел в своем далеком детстве, когда ездил в деревеньку Сабик, в гости к двоюродным братьям. Сидящая рядом бабушка рассказывала мне, трехлетнему карапузу, обо всем, мимо чего проезжал поезд, и в этих домиках, по ее словам жили два славных братца-китайца по имени Мо и Жо. Бабушка словоохотливо поведала мне, что братец Мо много трудился, но при этом оставался добрым и несчастным, а коварный Жо частенько тянул у него из кошелька деньги, наотрез отказываясь работать и готовить ужин. Смешно, но я верил этой истории и от души жалел братца Мо. Вертлявый корешок бабушкиной интерпретации дошел до меня лишь годом позже, когда я сам побывал в одном из таких домиков, воочию убедившись, что никаким ужином там никогда не пахло и пахнуть в принципе не могло. И тогда же я узнал, на каком месте стоят буквы «мо» и «жо», формируя форштейни половой сегрегации, знакомя малолетнее население страны с первыми шагами в мировом делении на «наших» и «не наших».

Под стук вагонных колес веселый домик обратился в лодку – уплыл и скрылся среди хвойных волн хлынувшего отовсюду леса. Мысленно пожелав неутомным братцам всех благ, я погрузился в вязкую дрему.

Бомба

Большие часы в моей гостиной шли довольно точно, а вот их кухонные собраты катастрофически отставали. Я пытался настраивать их сам, таскал к мастеру, но, лишенные кварца, они так и остались непостоянными. По этой самой причине мне приходилось подводить их вручную – практически каждый день минут на десять-пятнадцать. Во всяком случае, сохранялась иллюзия правильного хода, а мир, как известно, живет исключительно иллюзиями.

– Они – как я, – сказала Настя, впервые познакомившись с кухонными часами. Я хорошо помню ту странную минуту, когда она стояла, внимательно всматриваясь в широкое лицо циферблата, следя за судорожно подрагивающими стрелками.

– Совсем как я, – повторила она, – спешат, изо всех сил стараются и все равно безнадежно опаздывают... – Настя шагнула вперед и порывисто прижалась к часам щекой. А после еще и погладила их. В этом не было ни позы, ни преувеличения: она действительно постоянно спешила, пыталась нагнать убегающую вперед жизнь, лихорадочно подводи́ла свое внутреннее время. Я знал, что она отрабатывает перед зеркалом иноземную артикуляцию, пишет и отправляет в европейские журналы аналитические статьи, организывает языковые курсы. А сколько всего она, ни разу не выезжавшая дальше границ области, успела порассказать мне про Лондон и Копенгаген, про Париж, Вену и сказочный Будапешт! Я не сомневался, что будь у Насти побольше здоровья, она, несомненно, сделала бы ослепительную карьеру, но это был тот редкий случай, когда болезнь оказалась сильнее таланта. Именно поэтому Настя так и не сумела побывать на китайском форуме искусств, куда ее усиленно приглашали, не посетила выставок в Париже и Вене, упустила случай слиться в единое целое с домиком Волошина и водной бирюзой, омывающей крымские скалы. Ее шаг не поспевал за бегом времени. Ее низкокалорийное топливо было постоянно на исходе. Однако теперь все кардинальным образом изменилось. Отныне – дорогами Насти вынужден был скитаться я. В каком-то смысле я наверстывал упущенное, через себя позволяя её унесенным в небо глазам взглянуть на этот мир ближе и пристальнее...

– Чья сумка? – возглас вырвал меня из дремы, заставив недоуменно открыть глаза. Посреди вагона, прочно утвердившись на ровных, монументально отутюженных ногах, стоял контролер в униформе. Грозный взгляд его был устремлен на лавку, на которой еще недавно миловалась парочка молодых людей. Там и впрямь красовалась женская сумочка – лаковая, не первой свежести, явно не пустая. Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять причину беспокойности контролера. Случись такое лет двадцать-тридцать назад, никто бы бровью не повел, – мало ли что оставляет забывчивый люд в вагонах! Но сегодняшняя жизнь успела научить многому. Во всяком случае, на бесхозные сумки, пакеты и прочие возможные вместилища тринитротолуола мы стали делать стойку не хуже охотничьих терьеров. Пожалуй, в той же Москве контролер не стал бы геройствовать и немедленно вызвал бы бригаду саперов, – в нашем же уральском вагоне новость была воспринята более буднично. Слово «бомба» прошелестело по рядам, но паники никакой не случилось, и никто из вагона наутек не бросился. Да и сам контролер, явно склонный к черному юмору, подмигнул мне и осторожно потянулся рукой к сумочке.

– Ща рванет, – предупредил один из пассажиров.

– А вот типун тебе! – отвечал служащий и ювелирным движением отворил крохотный замочек. Словно изголодавшаяся черная жаба, сумка с готовностью распахнула рот, и, заглянув в него, мы с облегчением перевели дух. Бомбы в сумке не обнаружилось.

Со вздохом присев на скамью, контролер стер со лба ссохшиеся за день морщины и, поманив пальцем соседа справа, с грустью сообщил:

– Будешь понятым, папаша.

Сосед, этакий старичок садовод с перевязанным кустиком смородины под мышкой, понимающе нахмурился.

– Так может, это... Еще вернется дамочка!

– Не вернется, – я качнул головой. – Их двое было. Сидели тут и целовались. Недавно вышли.

– На Адуе, что ли?

– Этого не помню, но минут десять прошло точно.

– Чего же не остановили, если видели?

– Я видел, как целовались, а как сумку оставили, не видел. Дремал.

– Во, даст! – контролер усмешливо хмыкнул. – Люди рядом целуются, он дремать надумал.

– Потому и дремал, что целуются. Не хотел смущать.

– Кого? – фыркнул он. – Себя или их?

Я пожал плечами.

– Ладно, – контролер отработанным движением извлек планшетку, уютно примостил ее на коленях. Еще раз окинул нас азартным взглядом и щелкнул авторучкой. – В общем, так: сейчас проведем шмон и составим протокол.

– А потом?

– Потом дружно распишемся под протоколом и все найденное по-братски поделим.

– Чего?

Заметив, как испуганно вытянулась физиономия старичка садовода, контролер тут же добавил:

– Шучу я, шучу! Для того и готовим бумажку, чтоб никто потом не приватизировал богатство этой ляльки.

– А-а... – старик сразу успокоился. – Велико ли богатство? Может, и нет там ничего.

– Сейчас и увидим... – контролер отважно вытряхнул содержимое сумки на лавку, сидящие поблизости немедленно начали вытягивать шеи. К слову сказать, «богатство» оказалось не таким уж плохоньким. Девочка умудрилась забыть в вагоне студенческий билет, портмоне с тремя тысячами рублей, около полудюжины дисконтных карт, россыпь каких-то записочек, надорванную пачку презервативов и шкатулку с каменной чашкой.

– Это еще что за сокровища? – удивился контролер. – Камни какие-то...

– Оникс, – подсказал я. – А шкатулка из офиокальцита.

– Ух, ты! – в глазах проводника мелькнуло уважение. – Вы-то откуда знаете? Работаете с камнями?

– Да нет, на вокзале видел в торговой палатке. Там всего три камня и стояло: малахит, оникс и офиокальцит. Наверное, дамочка там их и купила. Подарок кому-нибудь везла.

– Мда... Везла и не довезла... – пробормотал контролер. – Дорогие хоть камушки-то? Я качнул головой.

– Не слишком. Все вместе – рублей на пятьсот-шестьсот потянет.

– Ну, тоже не пустяк...

– Главное, что бомбы нет! – запоздало и не к месту порадовался садовод. – А то бы летели сейчас выше проводов.

– Бомба-то есть, да не у нас, – возразил контролер. – И рванет она аккурат в тот момент, когда эта растеряха вернется домой.

– Это точно! – поддакнула женщина с соседней скамьи. – Во-первых, подарки, а во-вторых, три тысячи.

– Да разве это деньги? – прогудел толстяк из передней части вагона. – Курам на смех!

– Кому на смех, а кому и на хлебушко! – женщина проворно развернулась к толстяку. – Это ж студенты, для них и три сотни – деньги. Опять же – билет студенческий потеряла. Уж я-то знаю – поплачет сегодня девонька...

Прокашлявшись, контролер начал составлять опись вещей, а мне вдруг представилась плачущая жертва. И ведь не знает еще, дуреха, что повезло ей. В самом деле, мог же другой контролер попасться – не такой честный и принципиальный. Забрал бы сумочку со всем ее содержимым и слинял. Все равно как тот типус, что преспокойно унес из нашего свадебного автобуса тяжеленный саквояж с камерой, фруктами и тортом. Сумок-то у нас было много, и ловкач явно рассчитывал, что пропажу одной-единственной мы не заметим. Но мы заметили. И даже попытались потом догнать автобус, на котором он смылся. По этой самой причине даже случился конфликт нашего друга жениха с проезжавшей мимо милицией. Это сейчас она – то ли полиция, то ли невеста что, а тогда была нормальной милицией. Короче, жених рвался догнать и убить, милиция же имела на этот счет иное мнение. В итоге чуть не получилась драка, и предотвратить ее стоило немалых усилий. Жених неплохо боксировал, а у милиционеров были дубинки, так что малой кровью дело явно бы не обошлось. Спасло нас тогда только чудо. Половина дам повисла на женихе, другая – на милиционерах. В результате – от кутузки свадебный кортеж сумел отвертеться, но саквояж, торт и чудесные фрукты уплыли от нас безвозвратно. Впрочем, жаль было не торт с фруктами, а камеру. Тем более что в ней осталась пленка, запечатлевшая свадебную церемонию с последующим застольем и шуточными выкрутасами. На этой пленке мы дурачились, спорили и улыбались, так что в определенном смысле украли частицу нас самих. Помню, что какое-то время мы давали объявления, наивно ждали возвращения камеры, но, увы, честного «контролера» нам тогда не встретилось, и унесенной сумки – даже за приличное вознаграждение – никто жениху не вернул. Должно быть, понравилась пленочка. Мы на тех записях отплясывали гопака с ламбадой, устраивали розыгрыши, невеста пела под баян, а жених ходил на руках, так что свадьба получилась действительно веселой...

Колдобины

Дорога получилась длинной, но уснуть мне никак не удавалось. То и дело кто-нибудь проходил мимо, грохотал дверьми, шуршал газетами и неэстетично чавкал. Пилюкали сотовые телефоны, бурчало радио – и все это на фоне барабанной дробы колес, на фоне людского многоголосья. Мир *звучал*, не умолкая ни на минуту, и отчего-то мне подумалось: даже хорошо, что этого звучания не слышит Настя.

На очередной станции в вагон вошли новые пассажиры, присели напротив, и добрых полчаса мне пришлось выслушивать спор отца и сына, обсуждавших, какое мясо им покупать – живое или неживое. Вопрос был далеко не простой, и вместе с соседями я тоже скрипел мозгами, пытаюсь понять, о чем идет речь. В конце концов, выяснилось, что говорят о корове, которая в живом состоянии стоит двадцать тысяч, а в заколотом – пятнадцать. Мне стало совсем грустно. По всему выходило, что жизнь коровью люди оценивали всего в жалких пять тысяч, что само по себе было значительно дешевле мяса. Хотя... Возможно, так оно и должно было быть. Душа, как известно, весит совсем немного: у людей – граммов двадцать, у коров, верно, и того меньше. Так что, если измерять стоимость в соответствии с граммами и килограммами, то жизнь коровья представлялась не столь уж дешевой...

– Здравствуйте, женщина!

– Здравствуйте.

– И вам, дедуля, здравствуйте! Не против, если мы здесь примостимся? А то скучно в тамбуре. Стоим, семечки жуем. Прямо стыдно.

– Почему стыдно-то?

– Так ведь не мужское занятие, согласны? Угощайтесь, кстати! У нас этого добра полные карманы...

Хорошо поставленный голос, занятая артикуляция, – я поднял глаза. На этот раз через проход от меня усаживался мужчина неопределенных лет и столь же неопределенной наружности. Впрочем, кое-что о его наружности сказать было все-таки можно: тщедушный, небритый, в черном пиджаке с широченными плечами, в фирменных брючках. Уж не знаю почему, но мужчина напоминал потертую сторублевку. Лоск изрядно утерян, но цена еще сохранилась – во всяком случае, кое-что купить на эту купюру было можно. Прежде всего – за счет уверенных интонаций, за счет знания оборотов речи, которые не в каждом вагоне услышишь. При этом язычок у него был острый, из тех, коими в равной степени можно и приласкать, и отбрить. Внешность мужчины языку вполне соответствовала: угловатые скулы удивительным образом удлинляли лицо, а смахивающий на орлиный клюв нос вводил в заблуждение, сбрасывая с возраста хозяина еще с полдюжины годков. Вполне логично венчала облик гостя пара черных остроносых туфель, которые свидетельствовали если не о зажиточности, то, по крайней мере, о вкусе пассажира. Лично мне это представлялось чем-то средним между вкусом перца и аджики. Здесь же присутствовал и застарелый аромат табака. Такая вот странная ассоциация.

Сложить мнение о спутнике горбоносого мужчины было куда сложнее: этот тип уселся спиной ко мне, и кроме спортивного костюма, кепки с огромным козырьком и кроссовок, я ничего не разглядел.

Между тем, горбоносый продолжал устанавливать контакты со всеми близисящими пассажирами.

– Мужчина, время не подскажете?... О! У меня то же самое, спасибо... А грибочки откуда везем? Неужто с самой Аяти? Здорово! Давно грибочков жареных не пробовал, завидую... – не теряя ни секунды, он тут же развернулся к рыжеволосой дамочке, сидящей

позади него, благожелательно нахмурил брови. – А мы почему скучаем? Жизнь тяжёлая?.. Чего киваете? Согласны, да? Или беседовать не хотите?

Но беседовать дамочка была явно не прочь, хотя напор остроногого её явно смутил.

– То-то я гляжу: такая представительная женщина – и без корзинки. Неужели грибами не интересуетесь?

Красавцем горбоносый отнюдь не смотрелся, но тактика его была безотказной: он говорил и говорил, вынуждая дамочку сдавать одну позицию за другой. Слово за слово, и напористый пассажир вытянул из соседки всю её нехитрую подноготную. При этом он не забывал демонстрировать рыжеволосой свой гордый профиль, и – странное дело! – я начинал понемногу понимать его приемы. Фас у мужчины был звероватый, откровенно воровской, в профиль же он казался почти симпатичным. И вспомнилось, как давным-давно я где-то вычитал, что профиль людей – это их романтическая натура, то бишь – то, какими они хотели бы быть, ну а фас – наше настоящее и исподнее. Как бы то ни было, но этот знаток человеческих душ без стеснения пользовался данным обстоятельством. Словами же окончательно добивал и обволакивал. В пять минут он выяснил, что дамочку зовут Мила, что работает она продавцом в сельпо, что уже лет пять как разведена, но имеет дочь и массу нерешённых проблем, включая финансовые и жилищные. Опять же годы брали свое, хотя выглядела Мила достаточно неплохо – местами даже ухоженно и свежо. Да и в целом, если не всматриваться чересчур внимательно, производила приятное впечатление – стройная, одетая вполне по времени, и даже оживающие во время гримасок её многочисленные лучики-морщинки не слишком портили курносого личика. В нужные минуты Мила, видимо, вспоминала о них, бережно разглаживала ладошкой. На минуту или две это помогало.

Угадав момент, горбоносый ловко пересел к даме, доверительно высыпал ей на колени пригоршню семечек.

– Я вот что заметил: люди в последнее время необщительными стали. Каждый в себе и о своем. Точно улитки в раковинах. Вы согласны?.. – он вольготно перебросил одну ногу поверх другой. – Кому как, а мне так это не нравится. Точно в пустыне живём. Изоляция хуже, чем в камере. Чего киваете? Согласны?

И, разумеется, Мила снова кивнула. По всей видимости, ей это было легче, нежели произносить сложные малоубедительные фразы. На фоне её односложных кивков речь горбоногого выглядела ещё более цветисто:

– Простите, не люблю ругаться, но иногда прямо злость берет. Мы с вами что, не люди? Не имеем права слово доброе друг другу сказать? Имеем, конечно! Так на черта отгораживаться друг от дружки? Вон сколько заборов понастроили – все города как зоопарки какие. Ещё и копим, копим при этом. Сперва на ковры с холодильником, потом на машину с дачей... А чего копить-то? В могилу все равно не унесем. Согласна, да? И правильно. Ты не то, что другие, я сразу заметил. Сначала по глазам, потом по улыбке. Нет, правда, ты хорошо улыбаешься...

Переключение с «вы» на «ты» произошло абсолютно незаметно. По крайней мере, Мила не возмутилась и не стала поправлять соседа. Значит, дело действительно шло на лад.

На секунду я прикрыл глаза, и вдруг отчетливо увидел горбоногого пассажира в тюремной камере, в окружении сутулых подельников, с кружкой свежего чифирия в руке. От такого видения меня даже передернуло. Ведь точно сидел! И такие же речи толкал, привлекая сторонников, усыпляя потенциальных недругов. Конечно, не Троцкий, не Бухарин, но определенные таланты у мужчины, безусловно, присутствовали.

– У других ведь что? На теле рыжые, брюлики разные, а в глазах холодок. Пусто там, понимаешь? Или депутата одного видел недавно. Живот – как три моих, заковка бриллиантовая, а говорит так, словно пиявок наглотался. Брезгливость у него к нам, понимаешь? Будто с крысами приходится общаться. То есть это он нас за крыс держит, представляешь?

Ну, а ты – другое дело! У тебя глаза, как два изумруда... Ты не улыбайся, я правду говорю! Люди вон слышат – подтвердить могут. Ты пойми, Мил, я вот так в лицо врать не умею. Если что говорю, значит, правда. Скажи, Серж, ведь так?..

Я наблюдал за этим говоруном и продолжал удивляться. Наверное, где-то даже завидовал. Во всяком случае, я бы так точно не сумел. Даже если попутчица оказалась бы эстрадной дивой. Для него же это было очевидным пустяком. При этом тактика горбоносого оставалась предельно простой. Главное было не делать пауз, и само собой получалось некое подобие гипноза. Возможно, рыжеволосой Миле не слишком хотелось его слушать, но она слушала, и рука ее, украшенная одним-единственным перстеньком, поневоле тянулась к семечкам. При этом шелуху она бросала не на пол, а в банку из под пива, услужливо подставленную собеседником. Шло вполне дружеское общение, и в этом таилась своя незамысловатая логика: подобие гипноза рождало подобие дружбы.

Между тем, приятель горбоносого также переместился поближе к женщине. Роли у них были отменно распределены, и когда было нужно, он кивал и поддакивал, легко откликался на «Сержа» и «Сержика», не забывая при этом бдительно поглядывать вокруг. Глаза у него оказались по-рыбьи снулые, а ноги в кроссовках почему-то напомнили мне конечности скаковой лошади. Несколько раз рыбки глазки задерживались на мне. Конечно, я пытался демонстрировать равнодушие, но до талантов горбоносого мне было далеко. По крайней мере, любопытство мое не укрылось от внимания «Сержика». Спустя некоторое время, он перегнулся через спинку сидения и что-то шепнул горбоносому приятелю на ухо. Тот деловито кивнул и пусть не сразу, но вскоре зацепил меня изучающим взглядом. Сначала вскользь, а после и в полную силу – пронзив точечками зрачков, словно воровской заточкой. Я вовремя успел прикрыть глаза, но этот прощупывающий рентген ощутил даже сквозь веки.

Чуть позже парни хозяйски поднялись и вышли в тамбур покурить. А может, обсудить дальнейшую политику. Возможно, им негде было ночевать, и отзывчивая Мила их крепко заинтересовала.

Конечно, это было не мое дело, но я все-таки воспользовался моментом и немедленно пересел к дамочке. Дернувшись, она поглядела на меня с тревогой. Часть семечек из ладони просыпалась на колени. Чувствовалось, что последние годы не внесли в жизнь рыжеволосой Милы успокоения. Нос ее по-прежнему был смешливо вздернут, но в уголках губ и глубине глаз угадывалось совсем иное. Скорая близость того неуютного, что зовется старостью...

– Вы меня, конечно, извините, – пробормотал я, – но это явные блатари. По-моему, они имеют на вас виды.

– И что? – Мила испуганно приоткрыла сухо покрашенный ротик, и я явственно разглядел паутинку складок на ее лице. То ли она много плакала в жизни, то ли наоборот – столь же много улыбалась.

– Ничего. Просто будьте осторожнее.

– А вы сами-то кто такой?

– Пассажир. Обыкновенный пассажир, – я неловко улыбнулся и вновь осознал, что у горбоносого это выходило гораздо естественнее. Воистину мимическая гимнастика – непростая наука!

– Ну, и зачем сюда пересели? Это место занято.

– Знаю. Потому и пересел.

– Зачем?

– Да вот, наблюдал за вами. Ммм... Сочувствовал.

– А чего мне сочувствовать? – Мила немедленно ошетибилась. – У меня все хорошо!

Я сконфузился. Попытка оказалась неудачной, дамочка меня явно не восприняла и не услышала.

– Что ж, извините еще раз...

Я возвратился на место и успел вовремя. Курильщики как раз покидали тамбур. Уже через пару мгновений я услышал возбужденный голос горбоносого:

– Короче, так: мы с Сержиком обсудили все, и я ему прямо сказал: Милке надо помочь. Скажи, Сержик!.. Видишь – кивает. Такой же, как ты кивальщик... Чего смеешься? Я правду говорю. Так ему и сказал: пусть я не поеду в родной Соликамск, но Милке помогу. Сержик знает: мое слово – гранит! – как бы нечаянно горбоносый вынул из кармана военный билет, рассеянно покрутил в руках. Глядя на него, я поймал себя на мысли, что наличие подобного документа поневоле вызывает уважение. Еще один устаревший стереотип: военные не лгут, значит, им можно и нужно доверять...

– Так что, Мил, не волнуйся. Поможем перевестись в наш мебельный и с жильем устроим все в лучшем виде. У нас там как раз имеется свободная квартирка. Соседка Клава сдает. Две комнаты, третий этаж. И что важно – женщина славная. Шепну ей словечко – снимешь за малые деньги...

Слово «деньги» в устах горбоносого прозвучало особенно завораживающе. Более привычно было бы услышать «бабки», «капуста» или «лавэ». А интеллигентное «деньги» почти резало слух. Я заметил, что монологу говорюна внимают и другие пассажиры. Скорее всего, это тоже было элементом гипноза. Слушать языкастого пассажира было необъяснимо приятно, и, безусловно, этот тип умел внушать доверие. В нем угадывалась некая надежная прочность – та самая, которой так не достает женщинам. Очень скоро проявление искомой «прочности» нам пришлось пронаблюдать воочию.

Неподалеку от нас молодой парень спортивной наружности без конца играл в электронную игрушку. Смартфон, пи-эс-пи или что-то из той же серии. Так или иначе, но каждые пять секунд со стороны игруна долетал победный перезвон бубенцов. Это нервировало, и в определенный момент горбоносый решительно поднялся. Дернувшегося Сержику незаметно кивнул, то ли успокаивал, то ли напротив подготавливал к предстоящей акции, сам же неспешно приблизился к парню.

– Можно отвлечь, родной?

Спортсмен поднял голову, прыщавое и широкоскулое лицо его отразило недоумение. Родным его явно не называли с момента рождения. Даже родственники и даже знакомые девушки. Но горбоносый на этом не успокоился.

– Вот смотри, – движением фокусника он вынул из кармана пиджака расписанную под хохлому зажигалку, щелкнул металлическим клапаном. – Нажимаю вот так пальчиком, – начинает играть. А если тут придавить, то огонек получается уже без музыки. Прикидываешь, к чему веду?

Спортсмен покачал головой.

– Я это к тому, родной, – горбоносый терпеливо улыбнулся, – что нельзя без конца терроризировать слух граждан. В твоей балалайке тоже ведь можно, наверное, отключать музыку? Вот и отключи, сделай милость.

Все было сказано предельно вежливо и доходчиво. Не добавляя более ни слова, горбоносый вернулся на место. Он победил и знал это. Во всяком случае, музыки мы больше не слышали, – крепыш все понял правильно. Горбоносый же, закрепляя победу, протянул свою необычную зажигалку соседке.

– Это тебе, Мил, дарю на долгую память.

– Зачем же? Я не курю.

– Знаю. Только это вроде талисмана. На счастье. Будешь выщелкивать огонек, меня вспоминать...

В голосе горбоносого прозвучала патетическая грусть, и мне стало не по себе. В сером этом коршуне явно дремал неслабый актер! Чуть помешкав, я поднялся и вышел в тамбур. Прикрыв за собой дверь, бессмысленно уставился в окно. Я тоже никогда не курил и теперь

сожалел об этом. Занять себя было абсолютно нечем, и никакие мысли в голову не шли. Я даже не знал, о чем сейчас думаю – и думаю ли вообще. Вполне возможно, это был еще один миф, уверяющий нас в том, что люди способны думать. Иначе, зачем бы им убивать время всевозможными ребусами, кроссвордами и сериалами? Добавьте к этому алкоголь, компьютерные игры, сигареты – и картина безысходности станет вполне законченной. Кажется, еще Шопенгауэр определял курение, как суррогат мысли. Дескать, очередное подобие сахарозаменителя. Впрочем, в его век сахарозаменителей еще не создали. Все-таки были на планете неплохие времена – дремучие, чистые, без силикона и консервантов. И отношения выясняли не в судах, а на частных ристалищах. С помощью шпаг, мечей и револьверов. Спорные времена, непростые, но в нашем цивилизованном веке нашлось бы множество людей, что не отказались бы жить в те блаженные годы.

Конфликт местного значения

Артиллерийским снарядом бухнула дверь, и в тамбур зашла знакомая парочка. Снулый Сержик немедленно занял позицию возле выхода, спиной перекрыв желтоватое стекло, а горбоносый сделал вкрадчивый шаг в моём направлении.

– Здорово, инженер! – его глазки ощутимо укололи. – Ты, говорят, не только инженер? Ещё агитировать пробуешь?

Я вздохнул. Стало ясно, что Мила проболталась.

– Чего вздыхаешь? Не нравятся мои слова?

– А что ты хочешь от меня услышать?

– Так это не я, – ты чего-то хочешь. Или завидно, что Милка на меня запала? Ну?.. Чего молчишь? Презираешь?

А я и впрямь молчал. Презирать – не презирал, но и сказать мне было нечего. Я уже предчувствовал, что беседа выйдет насквозь глупой. Впрочем, у таких, как он, на это был свой точный расчёт. Как известно, демагоги к логике обращаться не любят – своих оппонентов берут энергией и напором.

Между тем, горбоносый приблизился вплотную, дохнул в лицо застарелым табаком.

– Она тебе кто, в натуре? Знакомая? Подруга? – веки его нехорошо сузились, вмиг превратив в оборотня из якудзы.

– Сестра, – неловко пошутил я. – Троюродная.

– Ты мне шнягу не гони. Сестру он нашёл! – горбоносый продолжал давить взглядом. Сила его глаз казалась вполне ощутимой, и можно было не сомневаться, что гипнотизер из горбоносого вышел бы отменный. – Ты сам-то кто? Кусок из столичных или местный ффраерок?

Я не ответил. Это была не моя лексика, и я ничуть не сомневался, что на этом поле собеседник побьёт меня любыми фигурами.

– Он рогомет, – процедил за спиной горбоносого Сержик. – Только рога ему пока никто не обламывал.

Нужно было ответить, но я снова промолчал, тем самым окончательно сдав инициативу в руки неприятеля. Горбоносый немедленно перешёл в атаку.

– А хочешь, мы тебя раком поставим? Прямо в этом самом тамбуре?

– Проще на рельсы скинуть, – гнусаво предложил Сержик. – У меня и ключ от вагона есть. Откроем, выбросим – и все дела.

– Слышал, что люди предлагают?

Я не выдержал его взора, потупил голову, как провинившийся школяр. На глаза попались волосатые пальцы горбоносого. Татуировок на них не было, и это меня почему-то удивило.

– Ты меня глазками не ешь, голубок. Я не цивиличный, – прозорливо разгадав мои сомнения, горбоносый ехидно шевельнул пятерней. – У меня, ффраер, работа такая, что ручки пачкать нельзя.

– Щипач? – блеснул я эрудицией.

– Не твоего ума дело, ффраерок. Главное, в остальных местах все, как положено.

– Может, покажешь? – тускло предложил я. Отступать было некуда, и, как в былые студенческие годы, это чуточку придало решимости. Я человек не самой большой храбрости, но все-таки ещё не забыл: на ринг страшно только выходить, а уж когда выйдешь – поневоле станешь бойцом. Кроме того, эти ребятки не знали и не могли знать, что меньше месяца назад я потерял любимого человека. Парадокс, но и потери могут порой наделять силой. Я

был смущен и я был растерян, но я вовсе не думал бояться этой парочки. Подобно самураю, я был готов умереть в любой момент.

– Может, ты из этих – из перекрашенных?

– Ишь как запел!

– А как ты хотел! – я поднял голову. – Я таких прибалтанных миллион перевидал.

– Интересно, где ты их мог видеть? В кино, наверное... – в голосе горбоносого сквозила отчетливая насмешка. Все-таки скверно я рядом с ним смотрелся. Ну, никак не вытягивал нужной роли.

– Так что, покажешь что-нибудь? – я туповато шагал по той же нелепой тропке. – Купола или что там у тебя...

– Нет, голубь, я тебе не девица из стриптиз-бара. Перед лохами не захоляюсь. А если кому и показываю картинки, то только один раз. А после все. Земля с червями и никакой воли. – Он говорил негромко, с хорошо отработанным придыханием. Впору было рассмеяться, но смеяться отчего-то не хотелось.

– Ты не пугай, – я скосил глаза на притаившегося вблизи Сержика. Пока он выжидал и пребывал в засаде, но фигура паренька казалась крепкой, и я не сомневался, что главной угрозы следует ждать именно от него.

– Зачем мне тебя пугать. Испуг – дело пустое, – собеседник ухмыльнулся. – А вот боли все бояться. Когда иголки под ногти или там утюжок к спине...

Пока я немо открывал рот, не зная, что ответить, горбоносый знакомым движением извлек зажигалку. Как видно, таких игрушек у него тоже были полные закрома. Раздался жестяной щелчок, и наружу вырвался язычок пламени. Над этим самым язычком он и задержал свою жестяную ладонь. Трюк был явно рассчитан на простоватую публику, но куда больше меня встревожило внезапное перемещение рослого Сержика. Теперь он стоял по левую руку от меня и в любой момент мог запросто достать своей колотушкой. Верно, так они и сговорились: горбоносый показывает фокусы, Сержик действует. Но, увы, здесь я дал маху. Расклад оказался совершенно иным, и атака последовала вовсе не со стороны Сержика. Меня ударил сам говорун. Резко и быстро – все тем же кулачком, сжимавшим зажигалку.

Конечно, панчером его назвать было сложно, но, видимо, этот бойскаут попал, куда следует. Левое ухо мое опалило огнем, а боль хлестнула по глазам не хуже пастушьей плети. Мне показалось, на мгновение я даже потерял сознание. Во всяком случае, с пространством что-то произошло: оно уродливо перекошилось, а грязный пол тамбура прыжком переместился к самому лицу. Только после этого шагнувший вперед Сержик небрежно пнул меня под ребра. Целил явно в печень, однако в отличие от своего товарища промазал. Нога его повторно пришла в поступательное движение, однако и я успел сгруппироваться. Крепко вцепившись в стопу Сержика, рванул к себе и зубами впился в икроножную мышцу. Я и сам не понял, как это у меня вышло. То ли от злого отчаяния, то ли от возраста, обещающего одним старческий маразм, другим – веселое сумасшествие. Зубы у меня не самые крепкие, но прикус получился неплохой. Во всяком случае, вражескую кровь на губах я успел ощутить. Зайдясь в крике, Сержик обрушился на пятую точку, а горбоносый проворно отступил в сторону, пытаясь взглядом полководца оценить случившиеся перемены. Пока он думал, я успел оторваться от Сержика и, дважды ткнув кулаком в распахнутый рот врага, торопливо встал в боксерскую стойку.

– Ну, давай, скелетон, твоя очередь!

Горбоносый даже не пошевелился. Соотношение сил вновь роковым образом переменялось, и он это, конечно, понял.

– Что, испугался? – сипло выговорил я.

– Нет, голубь. Я за тебя порадовался, – с акульей улыбкой горбоносый поднял перед собой пустые ладони и смело шагнул навстречу. – Только, может, хорэ? Успокоимся?

– А я спокоен. И вас успокою, не сомневайся.
– Ух, ты! Я ведь и рассердиться могу.
– Всегда пожалуйста!
– А не думаешь, что порежем такого смелого? На мелкие шнурочки?
– Попробуй!
– И пробовать не хочу. Без того вижу, что делить нам нечего, – Горбоносый ухмыльнулся. – Чего кипеш-то поднял? Или рыжую хочешь забрать? Так она мне даром не нужна.
– Тогда валите! – выдохнул я. – И чтоб больше я вас в вагоне не видел.
– Угрожает! – каменное лицо горбоносого по-прежнему сохраняло усмешливое спокойствие, и это меня seriously тревожило. – Интересно, что ты нам сделаешь, голубок?
– Загрызу, – я улыбнулся, и улыбка у меня, должно быть, получилась не самая дружелюбная. По крайней мере, самоуверенности у горбоносого заметно убавилось.
– Ладно, шварцнеггер, уговорил... – он взглянул на стонущего Сержика. – Слышь, укушенный? Поднимайся – уходим.
– Давай, давай! – поторопил я.
– А если он бешенством заболит?
– Тогда сорок уколов, – сказал я. – Глядишь, и выживет.
– Ну, если выживет, тогда я весел... Хоп! – неведомым образом мелкорослый говорун оказался совсем близко. Но хуже всего, что правая рука его всплеснула возле моего лица, но теперь в ней поблескивала не зажигалка, а нож. – И вот так! Погляди вниз, баклан.
Я покорно опустил голову. Он был прав. Острое шило на сантиметр вдавилось в мой живот.

– Видишь, какая странная штука – жизнь? Еще час назад ты песню пел, а теперь на светофоре красный – и в твоём брюхе заточка. Или не веришь?

– Верю, – выдохнул я.
– Молодец! – горбоносый шевельнул бровью, и нож с шилом сами собой исчезли. – Ладно, гуляй. Мог бы тебя положить, но зачем? Ты хоть и лох, но забавный.

Несколько секунд мы молчали. Все казалось настолько неправдоподобным и театральным, что страх по-прежнему не приходил. Единственное, что крутилось у меня в голове, это мысль о Миле, её дочке и малометражной квартирке.

– Рыжую не трогай, – попросил я. – Что она вам сделала?
– Так ты для неё стараешься или для себя? – горбоносый подмигнул волчьим глазом, улыбкой сглотнул мое ответное молчание. – То-то и оно, что не знаешь... Ладно, Сержик, пошли. Хватит загорать.

Словно складной метр, Сержик неловко выпрямил обиженное туловище, кое-как поднялся. Я ждал, что он кинется на меня с кулаками, но этого не произошло. Парень был отлично выдрессирован и без команды зубами не щёлкал. Окотив меня кислыми взглядами, парочка вышла, а я, чуть переждав, заглянул в туалет. Отряхнув одежду, долго отмывал руки и полоскал рот. Вода была тёплой, жестяной – свежести не приносила. В голове продолжала завывать метель, колющий снег царапал череп изнутри, выстуживая полушария, малопомалу кристаллизуя прежнее здравомыслие. Скверно, но ощущения победы так и не появилось.

Тем не менее, возвратившись в вагон, я попытался вести себя как ни в чём не бывало. Да и чего мне было кукситься? Если разобраться, за три жалких часа я испытал массу приключений. Поучаствовал в обезвреживании бомбы, послушал историю про корову, подрался и остался в живых. Помнится, ту же Европу я однажды пересекал на поезде в течение двух суток – и хоть бы в одной ноздре зачесалось! Пространство преодолевалось со скоростью урагана, чистота откровенно скоблила глаза, в несущихся вагонах было тихо до тошноты. До того тихо, что вырабатывалась слюна, и на протяжении всего пути приходилось

жевать «круассаны», пить «Пепси» и читать на французском нудноватого Клэнси. Вполне возможно, что дело заключалось в ширине железнодорожной колеи. У нас по велению Петра Первого она была «такой же, но на вершок больше», что, верно, впоследствии и сказалось на широте славянской души. Распяли и растянули, как гармонь, местами деформировав, местами порвав. В общем, смех смехом, но иного логичного объяснения я не находил. Мы были «ширше», и это обязывало вести себя непредсказуемо. В противном случае нынешняя моя дорога прошла бы тихо и без эксцессов. Плохо только, что рыженькая Мила не оценила случившихся изменений. Невооруженным глазом было видно, что бедовых знакомых ей явно не достает. Точно камни, она швыряла в меня свирепые взгляды и без конца крутила головой. А еще минут через десять, когда сидящий впереди спортсмен вновь включил свою музыкальную шкатулку, она поднялась и покинула вагон. То ли приближалась ее станция, то ли дамочка отправилась на поиски горбоносого. Вполне возможно, это была любовь – та самая, что случается с первого взгляда и первых по-братски поделенных семечек. Мне не было до нее никакого дела, но она уходила, и, глядя ей вслед, я ощущал смутную горечь. Мне было жаль ее, и было жаль себя, мне было жаль весь пробегающий за окнами мир.

Финиш

Увы, эстетическое воспитание не всегда приносит радость. По крайней мере, Настю здание санатория, наверняка бы обескуражило. Оно казалось огромным, как броненосец «Потемкин», хотя возводили его явно не Томас Эндрюс, не Стасов и не Монферран. Скорее – потомки Дедала, создавшего некогда лабиринт для жутковатого Минотавра. Аверс и реверс здания были совершенно одинаковыми, а с высоты птичьего полета конструкция напоминала три гигантских бруска, сложенных буквой «П». Впрочем, имелись и здесь свои изыски – тот же фундамент в подражание кондитерским изделиям строители густо обсыпали керамической крошкой, а справа и слева от парадного входа некий искусник выложил из зеленых камней метровые цифры, обозначающие дату создания архитектурного шедевра. Кирпич, впрочем, использовали абсолютно неоригинальный – белый и чистый, как куски магазинного рафинада. Зато шторы в двухместном номере вполне отвечали духу времени: на них были изображены не то гнутые гвозди, не то застывшие в победном полете сперматозоиды. Этих летунов в последнее время лепили где ни попадя – на плечах и груди в виде татуировок, на майках и рубашках, а порой даже на книжных экслибрисах. Хорошо, хоть льющаяся из крана вода была самой обычной, порадовав родниковым вкусом и ледяной температурой. Не удержавшись, я даже лизнул ее и, к собственному удивлению, впервые за много лет не уловил запаха хлорки. Уже за одно это можно было простить здешнему заведению многое.

Огромная кровать-полutorка с легким скрипом приняла мое утомленное тело, а пара дремлющих на тумбочке мух бешено завальсировала под потолком, отмечая подобным образом мое прибытие. Я взял пульт и выстрелил в насекомых. Поставленному в наказание в угол корейскому телевизору этого вполне хватило. Повинуясь движению моих пальцев, он включился и выключился, давая понять, что и в этой лесной глуши цивилизация с легкостью способна достать любого из нас.

Как бы то ни было, но много времени мое обустройство не заняло, и еще минут через пять я познакомился с соседом по номеру – худым и мосластым детиной с желтоватым от многотрудного существования лицом и зычным, неуправляемым голосом. Но более всего меня поразили его пальцы. Они были удивительно длинные и абсолютно музыкальные, – вид портили только расплюснутые ногти и та особая изработанность, что выдает людей физического труда. Впрочем, сам сосед был еще не старый, хотя, конечно, уже не юноша, – словом, из тех, кого принято относить к категории умеренно молодых. Звали детину Санькой, и моему приезду он бурно обрадовался.

– Классно, что приехал, Димон! Я уж неделю, ептыть, один как перст! – витиевато поделился он. – Скучно, хоть глаз выколи. Я бы и два давно выколол. Развлечений-то – нуль с нулевичем. И контингент насквозь старческий. С утра до вечера обсуждают бабские сериалы, свои болячки да власть родимую.

– А ты?

– Что я? Я слушаю и чахну.

– Значит, не нравится?

– Почему не нравится? Нормальный курортишко. Не лучше и не хуже других. Вода только больно мягкая.

– Я не заметил.

– Мягкая, ептыть! Точно тебе говорю.

– Это плохо?

– А черт его знает. С одной стороны, плохо – потому как мыло не смывается. С шампунем – и того хуже. Но, опять же, кожа не сохнет... Короче, бабешки довольны, мужики ворчат.

– Зато сантехника отменная.

– Здрасьте! Это ж финская сантехника, что в ней хорошего! – Санька поглядел на меня снисходительно. – Я, брат, пятнадцать лет в слесарях оттрубил, вот этими самыми ручонками тысячи кранов сменил, а потому знаю, что говорю. То есть краны у них еще худо-бедно работают, но унитазы, это, брат, шалишь!

– Да ты что?

– Точно тебе говорю! Унитазы у капиталистов – фуфло в сравнении с нашими! – Санька хмыкнул. – Так что тут соревнование с социализмом они вчистую проиграли.

– Да почему проиграли-то? – не выдержал я.

– Потому, что в наших социалистических унитазах – терпеливо пояснил он, – геометрия насквозь продумана. Ты сам понаблюдай, как идет смыв у них и у нас.

– Ну?

– Баранки гну! У них все в воду плюхается – да еще с приличной высоты. Уходишь потом мокрый до поясицы. Потому, кстати, биде и придумали. Говорят, для женщин, а на самом деле – для нашего брата... И потом, если, скажем, надо печень почистить, камушки посчитать, у нас это просто и удобно.

– Ты, правда, чистил печень?

– А как же? Другие, может, стесняются, а я прямо говорю! Хочешь пить, держи печень в форме! А камней в наших печенках, знаешь, сколько? – Санька утробно хохотнул. – И не узнаешь никогда, если евросантехникой будешь пользоваться... Да ты не спеши раздеваться, сейчас гулять пойдем. Познакомишься с местными достопримечательностями.

– А они имеются?

– Кое-что есть.

– Это радует.

– Еще бы... – не теряя времени, Санька вывел меня из номера, по-дружески взял за руку. – Короче, запоминай: грязь у них – на втором этаже – почти рядом с бильярдом.

– Грязь?

– Ну, да. В смысле – лечебная, ее всем прописывают. Массаж, ептыть, на шестом, а сауна – на первом. И все, прикинь, в разных корпусах. То есть это вроде как одно здание, но нумерация везде своя, и количество этажей тоже везде разное. Скажем, у нас с тобой двести тридцатый номер, так ты его здесь еще дважды встретишь. Сначала в центральном крыле, а потом в правом дальнем.

– А мы с тобой сейчас где?

– Мы в левом крыле... Да ты не удивляйся, у них тут везде крылья. Это ж реальный пентагон! В нашем крыле – четыре этажа, в дальнем – пять, в центральном – все шесть. Короче, познакомишься с тем самым, что называется беговней...

Пророчество насчет «беговни» я понял, а вот насчет множественных «крыльев» – не совсем.

– А почему курорт назвали «Самоцветом»?

– Не знаю. – Санька пожал костлявыми плечами. – Наверное, водились тут какие-нибудь камушки. Урал же, ептыть...

Вспомнив соседку по вагону, оставившую в сумке каменные поделки, я понятиливо кивнул. Уж камней-то на Урале хватало во все времена. В отличие от груш, авокадо и всевозможных киви.

В общем, сосед мне понравился. Душевный парень с нормальным прибабахами – вполне годный для скоротечной дружбы. Щетину он принципиально не брил, рядился как

художник восьмидесятых – в узкие джинсы и вольный свитер. Под свитером Санька прятал впалую грудь, а кадыкастую шею украшал веревочкой с замысловатым брелком из циркония. И хотя выглядел Санька на верный полтинник, сам себя он именовал юношей. Впрочем, как я успел сообразить – по здешним меркам он и впрямь был чистокровным «юношей», первым парнем на деревне (а с моим приездом, увы, уже вторым).

– Зря ты только на поезде пёрся, – мягко пожурил сосед. – Считаю, на все процедуры опоздал. Обед проморгал, ужин пропустил.

– Это не моя вина, – стал я оправдываться. – Так мне объяснили в агентстве. Сказали, близко – всего два часа. Думал, успею.

– Вот и успел, ептыть! Два часа – это на машине да по шоссе, а паровозы здесь медленно ползут – считай, вдвое дольше, да еще у каждого семафора кукуют. Теперь останешься без приема пищи. На довольствие только завтра поставят.

– Ничего страшного, потерплю.

– Во, дает! Чего терпеть-то? Мы свой фуршет зафуганим! Все равно кормят паршиво. Народ в буфет бегают, в столовку поселковую – вот и сообразим что-нибудь... – Санька разухабисто махнул рукой. – А бабешкам из агентства не верь. Сам должен понимать, у них задача такая – обувать нашего брата и зелень косить. Я тоже сначала повелся: они ж мне трендели, что пива тут море, что молодых – пруд пруди и, типа, каждый вечер танцы-шманцы с шашлыками.

– А на самом деле?

– На самом деле – полный фарш. В смысле – финиш. Погулять-то, конечно, можешь – от нового санатория к старому и обратно, но на кормежку особо не рассчитывай. Умереть с голода не дадут, но и брюхом приличным не обзаведешься.

Мы вышли из здания, и Санька тут же браво сиганул через ров, перегородивший тротуар. Я последовал его примеру и едва не поскользнулся. Под ногами злорадно чавкнуло.

– Ты поосторожнее, – предупредил Санька. – Тут кругом канавы. Местные пациенты даже не гуляют.

– А что делают?

– Старики в окна смотрят, кто помоложе – в телевизоры. Ну, а самые brave выбирают через черный ход. Там канав нет, и до леса рукой подать. Вот туда в основном и шастают. За грибами да за травками.

– А зачем им грибы?

– Как зачем? Запас на зиму. Это ж пенсионеры! Старая гвардия. Кто солит, кто сушит – и все, прикинь, прямо в номерах! – Санька вновь хохотнул, и я немедленно припомнил недавнюю передачу про бегемотов. При желании Санька мог бы их запросто передразнивать. Я глянул на него с уважением. Об этом своем таланте он наверняка не догадывался.

– Я сначала команду пытался собрать для бильярда, – продолжал сосед, – так не поверишь, – после каждого удара за корвалол с валокордином хватались.

– Корвалол – это грустно... А зачем роют-то? Я про канавы с ямами? Сокровища ищут?

– У нас вся страна сокровища ищет... Говорят, зал с дискотекой собираются пристраивать. Это, значит, еще одно крыло. Молодых, видать, мечтают заманить. Я ведь сказал уже: тут все население – полторы сотни старух да два десятка дедов. Мы с тобой, считай, самые юные.

– Да уж, весело.

– Теперь-то ты понял, куда попал?

– Кажется, понял...

– Если поискать, можно, конечно, найти фигурку поприличнее, но и то – из медперсонала, а они там капризные да корыстные. Капитализм, ептыть... – Санька наморщил лоб

и сотворил сосательное движение губами. По крайней мере, с мимикой у него тоже наблюдался полный порядок.

– Зато свобода... – решил я его подразнить.

– Чего? – изумился Санька. – Какая свобода, Димон! О чем ты? Я про эту грусть давно уж все знаю!

– Неужели?

– А то! У нас обормот один гриппом в Израиле заболел. У него, видишь ли, температура под сорок скакнула, вот он и завибрировал. «Скорую», дурак, вызвал. Они, конечно, приехали, увезли, но как узнали, что он не свой, да еще без страховки, тут же и сбросили в коридоре. Прикинь, сутки мужик пролежал на полу! И ни одна собака близко не подошла! У нас бы уборщица аспирина дала или врачуган какой поинтересовался, а там хренушки! – Санька яростно потряс перед моим лицом пальцем. – Сам, короче, оклемался и уполз. А потом еще, прикинь, счет прибежал по почте. За скорую и место на полу. Вот такая, ептыть, у них свобода. И у нас такая скоро будет... – Санькины брови вагончиками сердито столкнулись на переносице, снова раскатились в стороны. – Только я, Димон, к этим вещам проще отношусь. Что бизнес, что политика – все по большому счету говно. По мне – так тот строй лучше, где старикам хорошо и яблок дешевых полно. Про это еще Задорнов толковал – и правильно, между прочим! Где деткам дают возможность на великах гонять, и где женщины добрые да отзывчивые. Думаешь, чушь несу?

– Почему же? Совсем даже не чушь.

– Вот видишь! А нынешних шарочек добрыми сложно назвать. Все как одна жилплощадью интересуются. А уж деньги так научились считать, что любое желание пропадает. Подари им букетик, они шубу норковую попросят! Или кольцо какое... – голос Саньки горестно дрогнул. – Дети-то наши, конечно, привыкнут, а мы уже все – ржавь и лом. Только в переплавку годимся.

– Брось, – постарался я утешить соседа. – Все, что ни делается, все к лучшему.

– Но мир-то ведь катится!

– Это, смотря, чей и куда.

– Да у всех, Димон, катится! У всех – и в одно и то же отхожее место. Потому как с бабами нынче полный абзац. Причем – как внутренне, так и внешне.

– То есть?

– Ты сам приглядишься, – что ни грудь, то слезы. Либо, значит, напрочь отсутствует, либо силикон. Ляжек нет, одно желе. А женщина без хороших ляжек – что машина без колес! – Санька по-змеиному зашипел, вдыхая и выдыхая воздух. – С мозгами – еще хуже. Раньше-то, помнишь, наверное, при тоталитарном режиме – на трамваях ездили, книжки читали, на физмат рвались. Да что физмат, – с последней вешалкой можно было про Луну потренировать, про Шукшина с Гагариным или человека снежного. Сейчас иной коленкор: куда ни плюнь, кругом экономисты с юристами, а кто не юрист, так ножки перед начальством раздвигает. В головах – циферки, в мечтах – яхты с машинами. И прикинь, все норовят сразу на иномарку скакнуть. Это они, типа, перед мужиками так выдрючиваются: мол, у них права и власть, а у нас шиш с пеплом... – Санька грустновато примолк. То ли вспомнил о чем-то своем, то ли устал от непростой философии.

Пользуясь нечаянным затишьем, я более внимательно оглядел окрестности. Судя по тому, что канавы со рвами закончились, территорию нового санатория мы успели покинуть. Теперь дорога тянулась по уютной деревенской улочке, и шеренга неработающих фонарей провожала нас безмолвным караулом. Лениво кашляли собаки, и в небесных сгущающихся чернилах все чаще мелькали тени летучих мышей. Некоторые из них умудрялись скользить прямо над нашими головами – то ли играли, то ли приглядывались к незванным гостям. Хотел бы я знать, кем мы были для них – страшноватыми монстрами или еще одним

медлительным явлением природы. По крайней мере, в скорости мы им безнадежно проигрывали. Я успел подсчитать, что пока мы двигались от одного фонарного столба к другому, эти летуны успевали заложить над нами с дюжину виражей. Оставалось только радоваться тому, что поселок принадлежал к разряду карманных, и даже при таком улиточном продвижении путь наш долго не затянулся. Очень скоро мы оказались возле живописных развалин.

Сталинские соколы

– Вот оно – старое здание санатория, – не без торжественности объявил Санька. – Тоже, между прочим, «Самоцветом» называлось. Мы-то сейчас в новом прохлаждаемся, а тут прежний корпус – аж с сорок девятого года. Хочешь верь, а хочешь нет, но построен по именному указанию Иосифа Виссарионовича.

– Не может быть, – вяло усомнился я.

– Может, Димон! Еще как может! Он ведь только и знал, что ездить в Кунцево да на озеро Рига. Видать, надоело. А тут ему про Урал нашептали, объяснили про целебную грязь. Кроме грязи здесь, конечно, больше ничего не наблюдалось, но вождь клюнул. А может, чуял уже, что недолго ему вековать осталось...

Мы остановились возле развалин. Разглядывая широченный фриз здания колонны, пилястры и уцелевшую лепнину с гербом Советского Союза, я поневоле впал в задумчивость. Собственно, всей информации у меня и было: сюда, в «Самоцвет», собиралась Настя. Кто-то расхвалил ей курорт и тоже не забыл упомянуть про намерение вождя отдохнуть среди сосен Урала. Однако не вышло. Сначала удерживали «безродные космополиты» да необходимость восстанавливать разрушенное войной хозяйство, потом происки Шостаковича с Прокофьевым, а после пошла завариваться каша в расчлененной Корее. Жизнь не притормаживала ни на секунду, выпекая одно событие за другим. То и дело норовили взбрыкнуть Китай с Албанией, не оправдал надежд новоиспеченный Израиль. А после грянул пасмурный пятьдесят третий с его неловким переворотом и подозрительной гибелью великого инквизитора. Вот и получилось, что со строительством «Матросской Тишины» вождь успел, а с грязевой лечебницей припоздал.

Впрочем, время было суровое, и санаторий все равно построили – причем в рекордные сроки, выбрав место на скалистых берегах реки Реж, эшелонами нагнав сюда строителей-арестантов. Чуть позже те же эшелоны, но с другими вагонами, повезли сюда на лечение сталинских питомцев. Соколы и соколята, так их тогда называли. Они и не ведали, что порхать им оставалось очень недолго. Уйдя в иной мир, вождь повлек за собой и большую часть своей плечистой гвардии. Кукурузный секретарь с сокольным племенем особо не церемонился, и в качестве курорта уральские земли более не рассматривались.

Капали месяцы, текли годы, – санаторий ветшал. В запустенье приходил главный корпус, на метр с лишним обмелело грязевое озеро Молтаево. И все же окончательный кирдык санаторию настал в шестьдесят пятом, когда решено было построить новое здание – более комфортное и более скучное. Во всяком случае, разницу между старым и новым я имел возможность наблюдать воочию. Новое поражало размерами и убивало безвкусицей, в старом – полуразрушенном и опустошенном – поныне угадывался страшноватый и загадочный космос убежавшего прошлого. Мы стояли над развалинами и молчали. Соответствующее настроение усиливала спустившаяся на землю вечерняя тишина. Для меня, вечного горожанина, это само по себе было в диковинку, и потому особенно остро воспринимались звуки, исходящие от древнего санатория. Черные окна напоминали бойницы, и казалось, кто-то там временами бродит – то ли призраки мерзлых лет, то ли здешние бомжи.

– Это пацанва, – угадал мои мысли Санька. – Тут под зданием подвалов прорва, – вот они и ползают туда стаями.

– Странно... Что им там делать?

– Как что? Тискаться, само собой. Взрослые-то сюда носа не суют, так что никаких помех. – Санька лениво бросил камушек в сторону здания, но не докинул. – Мне один козырь рассказывал, что у них там и койки с матрасами, и столы с табуретами. Так что пацанва не скушает, бегают сюда практически каждый вечер. Аккурат – в это самое время.

– Ты что, следишь за ними?

– А чего следить! Они и не скрываются. Дело-то молодое, азартное. Прикинь, старше четырнадцати ни одного нет. Тинэйджеры, блин. Малолетки... – Санька в сердцах сплюнул. – Эти, не сомневайся, найдут, чем себя развлечь.

Я задумчиво глянул на него.

– Думаешь, они умеют развлекаться?

– Ты шутишь? Еще как умеют! Картишки, ширево, то-се... Могут клею порадоваться, а могут и бухлу с сексом... Чего так смотришь? Первый раз слышишь? – Санькино фыркание напоминало уханье филина. – Это мы с тобой в вагину женскую после двадцати лазить учились, а ныне – век акселератов, тайны интима в десять лет постигают. Интернет, ептыть, – он и сюда добрался!

– Мда... – я поглядел в сторону темнеющей махины леса и подумал, что издалека он напоминает припавшего к земле мохнатого зверя. Желание говорить о подрастающем поколении начисто пропало. – Слушай, а ты вот про грибы толковал...

– Ну?

– А как здесь с рыбалкой. Рыба в реке еще водится?

– Откуда мне знать? – Санька пожал плечами. – Старики из местных вроде сидят с удочками, только я лично сюда за другой рыбалкой приехал... Кстати, уже и время подступило.

– В каком смысле?

– В том самом, – Санька постучал расплюснутым ногтем по ручным часам. – Через полчаса начнется караоке, потом свет потушат, объявят пляски-таски. Тухловато, конечно, но все веселее, чем в ящик пялиться... Так что давай разворачиваться.

– Нет, Сань... – я мотнул головой. – Ты иди, я здесь еще покурю.

– Чего ты? – искренне удивился Санька. – Или задумал чего? Так зря это, сразу тебе говорю. Женского контингента здесь нет, а вот говна по углам – выше крыши. Разве что пятиклассницу какую склеишь, но учти, это статья. Им, соплякам, можно, а нам нет.

– Да мне другое, – успокоил я соседа. – Тишину послушать, воздухом подышать. Я ведь только-только после города. Привыкнуть надо.

– Ах, это... – Санька упибал свои длиннопалые кисти в карманы, ловко и далеко циркнул слюной. – Ну, давай дыши. Только не заблудись потом. Дорога тут, конечно, одна-единственная, но станет темно – поплутаешь.

– Ничего, выберусь.

Санька покачал головой.

– Смотри, я предупредил... Если что, дождись луны, посветлее станет.

Кивнув на прощание, Санька заковылял по дороге. Я глядел ему вслед и наблюдал, как он растворяется в сгущающихся сумерках – все равно как кусок сахара в черном кофе. Еще немного, и я остался с санаторием Иосифа Виссарионовича один на один.

Я продолжал молчать, хотя та же Настя, наверняка, назвала бы это беседой. Между мной и чем-то, что осталось здесь после Него. Хоть и не ездил сюда вождь и, возможно, даже не собирался, но печать его имени, словно тень грозовой тучи, успела лечь на развалины. Невольно подумалось, что вздумай он все-таки посетить «Самоцвет», поселок превратился бы в подобие Мекки. И рекламы бы никакой не понадобилось.

Переместившись чуть левее, я всмотрелся в широченный зев стенного провала. Взгляд выловил из полумрака бледные тела колонн, остатки свисающей с потолка проводки, просторный пол с сохранившимся кое-где паркетом. В этом зале наверняка проводились собра-

ния, а может, даже танцевали под музыку оркестрантов. Само лечение, верно, проходило в дальнем крыле, сразу за столовой, а это место отводилось под различного рода торжества.

Исследовательский дух все больше овладевал мной. Я не изучал кладку и не бродил под шербатыми сводами – я просто внимал звукам и шорохам, проистекающим от здания, глотками впитывал ауру той далекой эпохи, что на одних наводила ужас, других заставляла петь гимны и пить горькую.

Со зрением тоже творилось занятное. Я воочию видел фигуры людей, прогуливающих между уцелевшими колоннами. Ладонями они оглаживали на себе мундиры, а справа и слева от них семенили улыбающиеся матроны. Пожалуй, они имели право на улыбку – то время казалось им лучшим из всех. Оно познакомило их с бдительным страхом, но оно же наделило их невиданной властью – властью, которую знавали разве что в древнем рабовладельческом мире. Собственно, для того и создаются империи, чтобы наслаждаться кушаньем под названием «власть». Блюдо – откровенно плебейское, но голову кружит почище водки. И подсесть на него проще, чем на наркотики. Только раз и стоит попробовать. Не зря толкуют, что испытание богатством выдерживает половина людей, испытания властью не проходит никто. Для того и режут президентские сроки, для того и меняют сенаторов с депутатами. Власть – гигантская коптильня, над которой, скукоженные и подсушенные, вывешиваются лоскутки душ. Чтобы обуглиться и сгореть, времени требуется совсем немного...

Я шагнул в тень здания, рукой притронулся к одной из колонн. Странная судорога прошла по телу, слуха коснулись бравурные звуки незнакомого марша. Неожиданно представилось, что, переброшенный в тело следователя МГБ, я приехал сюда на отдых – поправить пошатнувшееся здоровье, успокоить натруженные нервы. И то сказать – пережевывать живых людей без болезненных коликов, да еще в таком количестве – не всякому дано. Тут даже не нервы нужны, а подобие арматуры – стальной и титановой. Так что без лечебной грязи было никак: она питала наши ослабевшие мышцы, высасывала шлаки с сомнениями, подчищала гудящую память. И почему нет? Грязь, в сущности, та же земля, – ей в итоге обглаживать наши мощи, перемалывать в труху кости, переваривать надежды подчерепного пространства. Почему же не начать то же самое делать при жизни? Полтора десятка ванн, курс электротока на ночь – и можно снова браться за наган.

Впрочем, не все и не всегда хваталось за наганы. Если верить смешному семейному преданию, с именем Иосифа Виссарионовича была связана история освобождения одного из моих дедушек. То есть дед Михаил с грозным Сталиным, по счастью, не встречался. Подобно многим другим он трудился на производстве, выдавал рекордные показатели и во что-то, конечно же, верил. И хоть внутренне не одобрял войны, на финскую бойню все же угодил по призыву. В ту неласковую пору мнением граждан никто особо не интересовался, и красивая Карельская земля приютила косточки многих тысяч наших соплеменников. Дед тоже был ранен в грудь, однако, провалявшись на госпитальной койке около полугода, вернулся в итоге домой. Даже умудрился прожить после той мясорубки еще около десяти лет, хоть и страдал от давления, мучился от жестоких головных болей. От инсульта, в конце концов, и умер.

А вот дед Петр, отчаянный забияка и большой любитель «зеленого змия», на предложение добровольно отправиться в Финляндию дерзко ответил, что писать заявления не будет. Мол, на шее три пацана, которых растить и кормить, да еще старенькие родители в далеком Ирбите – словом, послал всех куда подальше. Дерзкий ответ проглотили, но в роковые списки бунтаря, понятно, внесли. Дед работал тогда на номерном московском предприятии, однако каких-то там особых должностей не занимал, посему и не имел никакого отмаза от войны. Иначе говоря, бронь ему была не положена. Разумеется, друзья и приятели стали обходить строптивца стороной, начальство замерло в ожидании. Ну, а далее произошло то,

что проверить и отследить было никак невозможно. Тем более что подписывать подобной силы документы грозный Иосиф никогда не любил. Однако просматривать – все же порой просматривал. Во всяком случае, родня моя любила торжественно пересказывать по праздникам байку о том, что фамилия «Щупов» из расстрельного списка каким-то чудом все же попала на глаза всевидящему вождю и даже крепко его рассмешила. Кто-то из близстоящих тут же разъяснил грузину нехитрую этимологию слова. Дескать, прадед отказчика, видимо, крепко любил пощупать слабый пол за вымя – вот и угодил в Щуповы. Одни выбивались в Орловы, Соколовы и Львовы (верно, в подражание страшноватым гербам), а эти оказались Щуповыми... Отсмеявшись, седовласый Иосиф не поленился вникнуть в подробности дела, а, вникнув, собственноручно перечеркнул решение тройки. То ли оценил отвагу деда (а по тем временам это, действительно, было отвагой), то ли решил внести каплю забавного разнообразия в поток приговоров.

Как бы то ни было, фамилия уцелела. Бунтаря выпнули из столицы обратно на историческую родину, но тем дело и ограничилось. А дед Петр еще на протяжении многих лет куролесил и выстраивал по струнке всех окрестных забияк. В красивую байку мало кто верил, однако в семейные скрижали история все-таки угодила.

Если поминать деда Петра, то было еще и такое, что пришлось ему раз повторить подвиг Михаила Ломоносова. Возвращаясь с ночной смены, дед подвергся нападению грабителей и вступил с ними в неравный бой. В отличие от статного Ломоносова дед был сухощав и невысок, однако кулаки имел страшные. Этими самыми кулаками он и загнал грабителей в речку Ницу (жили они тогда уже не в Москве, а в Ирбите), да еще сумел отнять в бою симпатичную финку с наборной рукоятью и жутковатой формы лезвием, которую и принес домой в качестве законной добычи. История была славная, и я очень жалел, что заветный ножик не уцелел. Сразу после войны население подверглось тотальному разоружению, и большинство трофеев того времени погибло в желудках мартиеновских печей. Между тем, по рассказам того же отца, в доме было полным-полно оружия – российского, немецкого, американского и даже такого вот самопально-воровского. К слову сказать, любимой игрушкой отца была мелкокалиберная американская винтовка, из которой он, пятилетний карапуз, однажды всерьез собирался стрелять по громилам, пытавшимся в отсутствие родителей сломать дверь и ворваться в их маленькую квартирку...

Откуда-то сверху упал кусок штукатурки, скрипнул шифер, и я торопливо отступил в сторону. Неспешным шагом двинулся вдоль облупленного фасада. Двухэтажное, украшенное лепниной здание тянулось на верную спринтерскую дистанцию. Ровная асфальтовая дорожка окаймляла бывший санаторий, и я бездумно шагал по ней, ловя напряженным слухом шепотки и вздохи, доносящиеся со стороны руин. Справа и слева тянулись густые заросли барбариса, и, машинально срывая ягоды, я отправлял их в рот. Смешно, но в детстве я знал только леденцы под таким названием, а вот ягоды довелось попробовать сравнительно недавно. Впрочем, это тоже укладывалось в Санькину теорию о сегодняшней акселерации. Гниение – процесс неспешный, но и его при желании можно ускорить.

Вздвогнув, я внезапно увидел, как из черного лаза одного из разломов стремительно прорастает нелепая тень – совсем невысокая, в широченном одеянии, по комплекции вытягивающая лет на восемь или девять. Окончательно вынырнув из земли, парнишка с пыхтением отряхнул перепачканные локти. Рассмотрев меня, в свою очередь вздрогнул. Впрочем, он был из местных – и праздновать труса не спешил.

– Здравствуйте, – вежливо, совсем как в иных деревнях, поздоровался он.

– Здравствуй, – я несколько растерялся. Должно быть, от растерянности спросил: – Время случайно не подскажешь?

– Так это... Часов десять уже. – Он деловито поднес к глазам руку, чертыхнувшись включил подсветку, которая и позволила мне рассмотреть пятнистый нос, перепачканные щеки и вполне солидные ручные часы. – Ну да, десять часов. Почти.

– А как там в подвале? – полюбопытствовал я. – Интересно?

– Так это... Нормально.

– В карты, небось, играете?

– Чего сразу в карты-то! Вовсе даже не в карты.

– А чего не гоняет вас никто?

– Кому гонять-то? Нет здесь никого. Только мы одни...

– Эй, жук навозный! – приглушенно скрипнула тьма за его спиной. – Ты где?

Повернув голову, паренек необидчиво отозвался:

– Тута! Ползи сюда, гнида, не ошибешься.

– Ща, урою! Только стой, где стоишь, слышишь?

Крик по-прежнему казался приглушенным, поскольку исходил все из того же подземного разлома. Кто-то громко сопел, приближаясь к выходу. Шуршала земля, потрескивали невидимые доски.

– Ладно, я пошел – пацаненок кивнул мне и, не дожидаясь появления приятеля, стрекотнул в темноту.

– Ты куда, гадость коматозная! Ну-ка, стоять!...

На всякий случай я развернулся чуть боком – все равно как дуэлянт из прошлых столетий. А в следующую минуту на моих глазах из разлома одна за другой стали прорастать темные фигуры подростков. Самое странное, что вели они себя поразительно одинаково. Все, как один, торопливо отряхивались, и, заметив меня, вежливо здоровались. После чего привидениями ныряли в лесную тьму, вероятно, надеясь догнать первого сорванца – дети катакомб, рожденные во втором тысячелетии, короткими своими ножками успевшие ступить в третье – еще не соколы, но уже соколята, акселераты, имеющие реальную возможность увидеть гибель эпохи. Возможно, кое-кто успеет даже заснять. На фото и видео. Чтобы гонять потом ностальгическими вечерами в таких же катакомбах и ронять слезу под забытые звуки рэпа. Что поделаешь, в мире по-прежнему воевали – и не в абстрактном «далеко», а совсем даже рядышком – где-то в районе земной печени или селезенки. Немудрено, что эхо толкалось отравленной кровью в екающих сердечках, туманило головы и звенящей тетивой натягивало мышцы. Так, верно, и должно было быть. В дни войн нет ничего страшнее беспечности.

Реж

Первый раз близость настоящей войны я ощутил в Грузии, когда, будучи студентом, отправился прокатиться до Абхазии и обратно. Поездка оказалась для меня роковой – я познакомился с морем и влюбился в него, как только могут влюбляться розовые юноши в ослепительных дам. Впрочем, даму я в нем тогда не разглядел. Море представилось мне огромным, мерно вздыхающим существом, легко и просто взгромоздившим на загорбок небесный свод. В восторженном онемении я стоял и смотрел на него, чувствуя, как неведомая энергия растекается от соленого гиганта, заливая улочки города, наполняя людей живой силой, одним-единственным касанием приобщая к вечности. Наверное, именно в те мгновения у меня впервые получилось заглянуть в недалекое завтра, всмотревшись в которое, я торопливо закрыл глаза. Завтрашний день Кавказа отдавал пеплом и кровью, и самое страшное заключалось в том, что непрошенное видение посетило меня в день, когда о подобных вещах думать кощунственно.

Дело было в том, что в столицу Абхазии я угодил точнехонько в Первое сентября. Сухуми утопал в цветах и радостной суете, тамошние детишки, маленькие и красивые, шагали в новенькой униформе в направлении школ. По кавказскому обычаю девочки были одеты в черное, мальчишки же ничем не отличались от наших – и все, как один улыбались, согреваемые посетившим их внутренним таинством. С этого дня они вступали в мир взрослых, изначально подчиняясь школьному расписанию, соглашаясь на суровые отметки учителей, трепетно надеясь на хорошие. Сказочное преображение я наблюдал практически на всех лицах, и тогда же ощутил, как мерзлое шило вонзилось мне в бок. Я даже вздрогнул, точно боец, получивший пулю. Потому что с пугающей ясностью вдруг увидел, как зыбко и хрупко величие детской радости, осознал, как просто разбивается хрустальноеместилище, укрывающее до поры до времени умение улыбаться и верить во все хорошее. Ни с того, ни с сего – прямо посреди солнечного утра – мне захотелось расплакаться. Это было так нелепо и по-девчоночьи, что я не выдержал и устремился к морю. Соль и глубина успокоили мои нервы, убедили в том, что все привидевшееся – блажь. Я и потом старался пореже вспоминать о страшном прозрении, тем более что мир сдетонировал значительно позже. Тем не менее, с сожженным Сухуми, с разбитым и опустошенным обезьяньим питомником я еще однажды увиделся. И тогда же, помнится, подумал, что в этой бессмысленной войне наверняка успели поучаствовать те самые дети, которых я видел в то утро Первого сентября...

Ноги мои опять соскользнули, я едва успел ухватиться за крючковатый ствол случайного деревца. Без того крутой спуск перешел в каменистый обрыв, и теперь я уже не спешил, до рези в глазах всматриваясь в малейшие уступы и трещины, стараясь ставить ноги в места, не внушающие опасения.

Чистейшая авантюра – спускаться по скалам в вечернем полумраке, но мои поступки редко отличал здоровый практицизм. Да и не в практицизме тут было дело. Вероятно, таким поведением я просто отпугивал от себя навязчивые фобии, боролся с холодом, что норовил огладить спину, пузырьком яда пробежаться по сосудам. Правильно рассуждали древние: чтобы не бояться смерти, надо ее испытать, чтобы не бояться войны, надо на ней побывать. Со мной пока не приключилось ни первого, ни второго, и по этой самой причине я предпочитал карабкаться по мокрым скалам, прыгать с парашютом и нырять в глубины, которые в бытность Фалько и Новелли считались абсолютным рекордом погружений. И сейчас, чтобы спуститься к берегу реки, мне на минуту-другую пришлось обратиться в скалолаза. Я снова рисковал, но рисковал обдуманно, и, в конце концов, у меня все получилось. Последний метр был пройден, и, оказавшись внизу, я наконец-то различил шелест струящегося течения, услышал шепот реки. Подойдя к воде, я с наслаждением погрузил руки в прохладные

воды, даже плеснул себе в лицо. Теперь мы стали с рекой единым целым, и я с полным правом мог глядеть в свое убегающее отражение.

В этом месте Реж был довольно широк, и, наверное, поэтому ребячливой журчащей тональности предпочитал звучание более солидное. Кроме того, не следовало забывать про осеннее время. Река еще не спала, но уже готовилась впасть в зимнюю кому. Рыбы блестя, вспыхивающие там и тут, лишь добавляли ей снулой загадочности. Слева, подавляя все и вся, бесчисленными складками вздымались темные тела скал, направо, терпкий и черный, тянулся беспредельный лес. Он жил и дышал, с расстояния овеивая волнами хвойных мыслей. В него хотелось нырнуть, как в реку, но я не шевелился, понимая, что удивительное и славное в очередной раз состоялось: я снова оказался на срезе времен, увидев череду людей, что стояли на этом самом месте задолго до моего появления на свет, и что будут стоять значительно позже. И, Боже мой, сколько нас еще появится на этой планете, скольких она обнимет, скольких сожжет! Волоокой Фортуне будет доверено тасовать нас, меняя местами, словно стеклышки в детском калейдоскопе, и только скалы, река и лес будут пребывать в неизменности. С тем же мрачноватым добродушием они будут взирать на мельтешение двуногих, возмнивших себя пупами земли.

Пройдя чуть дальше, я обнаружил уютную поляну. На таких в прежние времена обожали стреляться. Назначали время, приезжали в крытых двуколках и, горделиво откинув голову, в присутствии секундантов пускали друг в дружку свинцовые пули. Пространство затаивалось в ожидании стонов, а сопровождающий стрелков врач заранее хмурился, отлично понимая, что расхлебывать этот компот в итоге придется ему. Сначала останавливать кровь и сооружать повязку, а после таскаться по инстанциям и сочинять объяснения для въедливых жандармов.

Я повторно огляделся. Место и впрямь идеально подходило для дуэлей. Присутствовали все основные стихии – небо, вода и горы. Четвертая стихия, огонь, обычно являлась забиякам в последнюю секунду. Приведись мне стреляться, я бы и сам выбрал похожее местечко. Все равно как Максимилиан Волошин, сумевший выгадать для себя прекраснейшую из могил. Пусть и не на дуэли умер, но ведь тоже стрелялся. Хотя и несерьезно, в отличие от того же Пушкина или Лермонтова. Уж эти двое толк в хорошей драке знали. Оба были опытными скандалистами и меткими стрелками, оба умели целиться и плавно спускать курки. Лермонтов, помимо всего прочего, успел и повоевать. Награды, к которым не раз его представляли, тогдашний двухметровый самодержец зажал. Не понял венценосный того, что конфликт – всего лишь одна из ипостасей таланта, данность, с которой нужно считаться. Как не понял того, что жить в мире с природой у талантов еще получается, но жить в мире с людьми для них дело архисложное. Словом, неважным царь оказался игроком – в сущности, проиграл и сдал двух величайших российских поэтов. И даже позднее, оплатив долги Пушкина, положения тем не спас. Пришлось расплачиваться с Судьбой более весомой монетой – Силистрией, Альмой, Севастополем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.